A dirt road winds through a lush green landscape under a dramatic, cloudy sky. The road starts in the foreground, curves to the right, and then back to the left, disappearing into the distance. The sky is filled with dark, heavy clouds, with a bright patch of light breaking through near the horizon. Tall evergreen trees line the right side of the road, and smaller trees are scattered on the left. The overall mood is serene yet slightly somber due to the weather.

Геннадий
Кузьминский

Эх, дороги!

Геннадий Алексеевич Кузьминский

Эх, дороги!

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72616141

*Эх, дороги! Сборник рассказов. / Кузьминский Г. А.: У Никитских
ворот; Москва; 2021*

ISBN 978-5-00170-380-8

Аннотация

В новый сборник рассказов Геннадия Кузьминского «Эх, дороги!» включены произведения, основанные на реальных событиях. В них, как всегда, нет трагических и мрачных событий, которые вызвали бы грустные мысли и душевные переживания за судьбы героев. Наоборот, они вызывают улыбку, воспринимаются с юмором и создают хорошее настроение. Повествуют о жизни наших далёких и не очень далёких предков и сограждан. В каждом рассказе торжество справедливости, оптимизма, любви, дружбы и ожидание счастливого будущего.

Но многое из того, что изображено в этих рассказах, заставляет задуматься о своих и чужих поступках. В них есть как шутивное, так и серьёзное, заслуживающее подражания, но есть и то, что вызывает осуждение. Как и в ранних произведениях автора, в его новых рассказах ностальгия по советской, комсомольской молодости, тёплые воспоминания о друзьях молодости и детства, коллегах по работе, родителях, старших товарищах и

начальниках. Обо всём, с чем мы встречаемся в повседневной жизни, о «дураках и дорогах», о дорогах, что пролегли по родной земле и воде и дорогах, как путях нашей жизни.

Кузьминский пишет о простом человеке, но в каждом его герое есть достоинство, которое делает жизнь уникальной, наполненной высшим смыслом. При этом автор не пускается в пространные рассуждения, не задает читателю «проклятых вопросов», а как бы наблюдает за всем со стороны, предоставляя персонажам право говорить самим за себя. Ёмко, хлётко, с ядрёным словом.

Если искать литературных предшественников Геннадия Кузьминского, то это, безусловно, в первую очередь Василий Макарович Шукшин. Герои книги «Эх, дороги!» – прямые наследники шукшинских чудаков, мудрых стариков, смекалистых работяг, всех тех, на ком и по сей день держится Русская Земля.

Отрадно, что эта литературная традиция продолжается, Геннадий Кузьминский прибавляет мастерства от книги к книге, которые пользуются и спросом, и популярностью.

Издательство желает читателям приятной встречи с героями произведений Геннадия Кузьминского, а самому автору дальнейших творческих успехов.

Содержание

Эх, дороги!	6
Вера, Надежда, Любовь	63
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Геннадий Кузьминский

Эх, дороги!

У НИКИТСКИХ
ВОРОТ

© Кузьминский Г.А., 2021

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот»,
2021

Эх, дороги!

Зима в этот год была ранняя. Уже в последних числах октября мелкие, противные и холодные дожди стали по ночам сменяться снегом. Между каплями дождя летели белые снежинки; долетев до земли, быстро таяли. Некоторые из них цеплялись за ещё зелёную траву, но капли дождя их смывали и не позволяли появиться хотя бы маломальскому снежному покрову. Утром могло показаться, что вот-вот ляжет снег, но днём трава с проседью снова приобретала свой грязно-зелёный цвет, и от снежинок не оставалось и следа. Там, где была голая земля, снежинки, можно сказать, совсем не задерживались, сразу таяли. Такая мерзкая погода продержалась несколько дней и всем уже порядком надоела. Всё вокруг стало серым и мокрым. За что ни возьмись, всё скользкое, липкое и холодное, делать на улице ничего не хочется. Топор или молоток в руках трудно удержать, он то и дело вырывается и улетает в сторону, вверх или вниз. Хорошо, если мимо ноги или головы, своей или чужой. Получить обухом по собственному лбу проще простого.

Листья с деревьев уже облетели и вместе с грязью липли к ногам. Прежде чем войти в дом, надо было найти глубокую лужу, походить по ней, потереть резиновые сапоги друг об друга и только после этой процедуры взойти на крыльцо. На крыльце снять сапоги и надеть что-нибудь домашнее.

Как бы старательно ни тереть нога об ногу, на сапогах остаётся и грязь, и прилипшие листья, которых полно скапливается в каждой луже; носить их в дом нежелательно. Войдя в дом, надо снять верхнюю одежду и повесить поближе к печке, чтобы к утру просохла. Кепку или шапку повесить на гвоздь, вбитый в стену под потолком, или тоже у печки, а рукавицы засунуть в печурок.

Неожиданно, а можно сказать, наконец-то, облака рассеялись, западный ветер сменился на северный, и землю подморозило. Народ обрадовался такой перемене погоды. Сверху не капало, одежда не намокала, лицо оставалось сухим и на ветру не мёрзло, как в непогоду. Теперь резиновые сапоги можно было сменить на валенки с галошами или другую обувь и спокойно передвигаться, не замочив ноги. Но на дорогах, где раньше чавкала грязь, теперь появились сплошные мёрзлые колдобины. Всякий транспорт по такой дороге ехал не спеша и с сильным грохотом. Разве что трактор на гусеницах мог двигаться, как по накатанной дороге. Особенно некомфортно было ехать на телеге на деревянных колёсах, которые упирались в каждую кочку и подпрыгивали на ней вместе с телегой, да на велосипеде. Переднее колесо то попадало в ямку, то упиралось в бугор, руль того и гляди вырвет из рук, или он провернётся, и падения в этих случаях не избежать. А какво падать на мёрзлую землю, многие испытали на себе.

Такое межсезонье самое удобное время для заготовки

дров. Народ, вооружившись пилами и топорами, направился в лес, зная, что такая погода продержится недолго, и зима со снегом и морозами не за горами. Уже с утра было слышно, как в лесу за речкой стучат топоры, звенят пилы и раздаётся скрежет падающих деревьев. Иногда в звенящей тишине доносился мужской или женский говор, хотя слова можно было разобрать с трудом.

Другие, с косами, граблями и вилами, вышли на болото косить осоку. В хозяйстве это растение было очень полезным. Её использовали и как корм скоту, и как стилок, но сначала из неё делали («гатили») огату. Большинство домов хозяева утепляли огатами ещё до наступления холодов. Делали это каждый по-своему. Самые хозяйственные из жердей и кольев строили капитальный частокол от земли до крыши вокруг всей избы и набивали его утеплителем из осоки, сена или соломы, у кого что есть. Жерди и колья, сделанные по размеру дома, летом хранились в укромном месте, недоступном для дождей. Другие утепляли дом не полностью, а лишь до окон, и не всю избу. Главное, сохранить тепло в подполье, где хранятся припасы, заготовленные летом. Самые нерадивые кое-как обкладывали дом внизу, прикрыв лишь подполье, прижимали утеплитель, чем попало, и были довольны. Ближе к весеннему теплу огату потихонечку разбирали, и осока постепенно перетекала в ясли, а из яслей корова и овцы сами выбрасывали её под ноги, съев, что повкуснее и посьедобнее.

Вовка был ленивым от природы. И было в кого. В семье трудиться не любил никто. Самым деятельным был отец. Но и он, даже когда был помоложе, на работу не спешил. Мужики работать с ним в паре не любили: постоянно отлынивал. Вовремя на работу не выходил, всегда находилась причина опоздать. Перекуривал и со всеми вместе, и самостоятельно. Поднимал тяжести, например, беркун с картошкой или мешок с зерном, с большой неохотой, перекладывая всю тяжесть предмета каким-либо хитрым способом на напарника. Вместо работы любил рассказывать всякие байки, разукрашивая их изысканным матом. Да оно и понятно – возраст. На колхозные работы в его годы можно вообще не ходить, поэтому и ленился.

Домашнее хозяйство в семье могло быть и получше. Скотина была неухоженная. Корова всегда грязная, а овцы увешены репейником. Видно было, что любви и нежной заботы к животным никто не проявлял. Громогласная хозяйка Нюрка постоянно ругала скотину всякими словами, её ругань разносилась на всю деревню. Ей казалось, что её корова самая глупая и мало давала молока, а овцы бестолковые. Корова на самом деле была умная, на крики хозяйки почти не реагировала. Сколько она давала молока, никто не знал. Народ в деревне подозревал, что молоко она разбавляла водой, и никто его у неё не покупал: одни брезговали, другим оно просто не нравилось – видимо, действительно было с водой.

Овцы были поглупее коровы и во двор шли неохотно. Что-

то им не нравилось в хозяйском доме. То ли их держали впроголодь, то ли им было некомфортно находиться в одном загоне с коровой. Они часто проходили мимо дома, и кто-нибудь из семьи шёл за стадом, чтобы их вернуть. Если это был кто-либо из детей, то всё происходило сравнительно тихо, а если Нюрка, то без крика не обходилось. Она брала в руки хворостину и весь путь, в одну сторону порожняком, а обратно с овцами, костерила их, на чём белый свет стоит, и громко шлёпала своими резиновыми сапогами, надетыми на босу ногу. В деревне к этому привыкли и не обращали внимания. Овцы возмущались и оглашали округу своим противным блеянием. Загнав их на двор, она не могла сразу остановиться и продолжала голосить, но чем она возмущалась, понять уже было трудно.

Колхозная лошадь, закреплённая за хозяином семейства, содержалась тоже не лучшим образом. Она частенько стояла, привязанная к телеге, без клочка сена или травы, чего у радивых хозяев было редкостью: перед лошадиной мордой всегда имелось что-нибудь съедобное. Телега и сани ремонтировались кое-как, либо совсем не обновлялись. Сбруя держалась на соплях. Если другие жители деревни пользовались лошастью и упряжкой, то непременно возмущались. Лошадь долгое время могла ходить без одной или нескольких подков. И лишь когда начинала прихрамывать, бригадир или кто-нибудь из правильных мужиков гнали его с лошастью в кузницу. Она часто могла находиться на лугу на привязи на одном ме-

сте. Посторонние люди, увидев, что трава съедена и вытоптана до голой земли, перевязывали её на другое место, где трава была, после что-то хозяину выговаривали, но у него на всё находились отговорки.

Огород в этой семье не любили. Работа на земле, конечно, тяжёлая, но люди понимали важность этой части подсобного хозяйства и усердно трудились. Картошка, капуста, морковь, свёкла, лук, чеснок, огурцы были основой рациона сельского жителя той поры. Огороды были большими, сил, здоровья и времени отнимали много. В трудолюбивых семьях огород был объектом пристального внимания с конца апреля по ноябрь месяц.

Снег ещё полностью не успеет сойти, а дети, да и взрослые, с железными лопатами, а правильнее – заступами, уже в огороде борются с водой. Воду, скопившуюся в бороздах и между гряд, надо скорее удалить. Полезно и в то же время приятно смотреть, как бегут ручейки, сначала мутные, а потом светлые. Ночью поток замедляется, ручеёк сверху покрывается тонким ледком; утром, с восходом солнца, ледок тает, ручеёк снова наполняется талой водой, и так несколько дней. Когда земля более или менее подсохнет, надо приступать к посадкам. А дальше бесконечные хлопоты на всю весну, лето и осень. Прежде всего, надо вскопать, взборонить, посадить и посеять. Потом начинается прополка, полив, окучивание, борьба с вредителями и сорняками. А ближе к осени уборка урожая – занятие приятное, но нелёгкое, особен-

но трудно приходилось с картошкой. Овощей в те времена сажали много. Их заготавливали не столько для себя, сколько для скотины и птицы, а эта живность водилась в каждом доме.

Вовка в огород заходил редко. Но весной, когда надо копать, отлынивать получалось не всегда. Мать насильно загоняла его в огород вместе со старшим братом Витькой, давала в руки инструмент и заставляла работать. Они, переругиваясь, вскапывали грядки, выясняли, кто больше и лучше работает, бывало бросали на землю инструмент и уходили с огорода. Мать снова загоняла их туда и убеждала, что оба работают на букву «х», то есть одинаково.

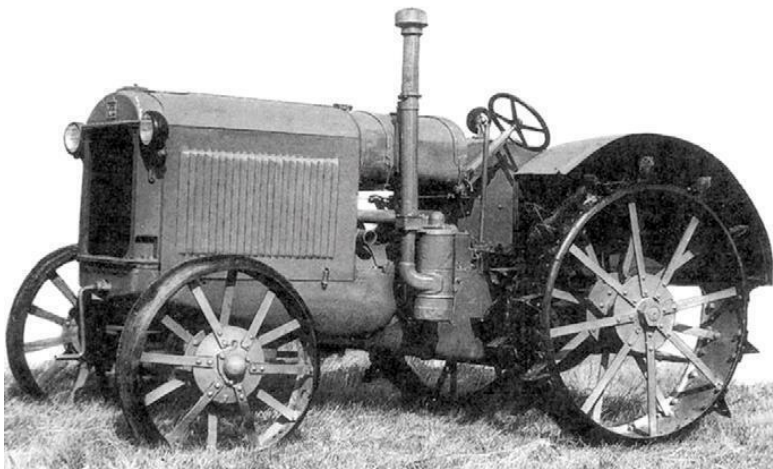
В этом году огород дался ему особенно тяжело, поскольку Витьку призвали в армию, а старшая сестра Валька ещё раньше уехала учиться в ПТУ, быстро забеременела, вышла скромно замуж и переехала жить к мужу в другую деревню. У родителей была всего один раз и больше не показывается. Их отец Семён огород на дух не переваривал, да и лет ему было уже немало, и здоровье не богатырское. Ему по душе был столярный и слесарный инструмент. Чаще всего он держал в руках топор, рубанок, ножовку, молоток, клещи и прочие придамбасы для рукоделия. Уже после войны научился делать грабли. Они получались у него неказистые, но на базаре по дешёвке продавались. Между делом перед домом соорудил палисадник и посадил в нём несколько деревьев. Откопал старый, когда-то заброшенный колодец, огородил из-

городью усадьбу, постоянно обновлял частокол вокруг огорода. Ходил на шабашки. Иногда плотничал у одиноких женщин, выполняя мелкий домашний ремонт. Умел крыть крыши дранкой, чем в основном и промышлял. Мог сообразить бытовое изделие из жести. Зимой рубил в лесу дрова – как для себя, так и на продажу. Но огород и сани с телегой не любил, да и за лошадыю ухаживать ему было в тягость.

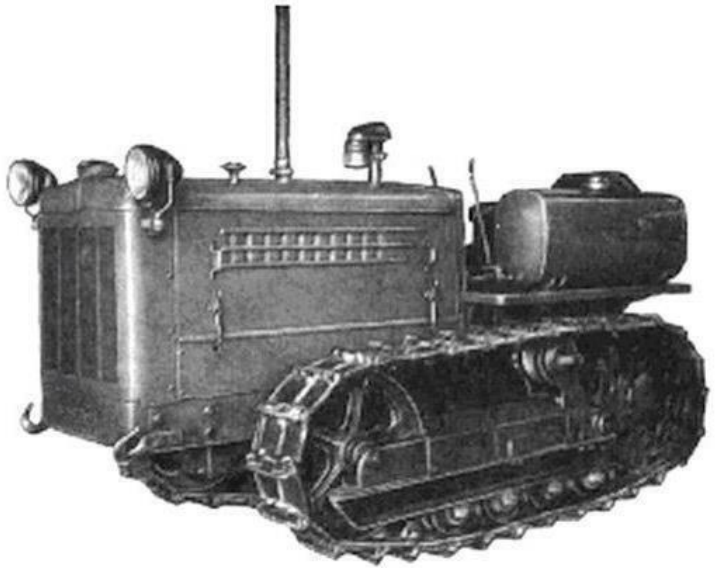
Роста Семён был невысокого, худощав, но не тощий. У него была интересная походка, точь-в-точь как у Чарли Чаплина, когда тот дурачился в своих немых фильмах. Когда он работал, особенно выполняя работу, где надо сосредоточиться, то высовывал язык. Причём клал его на верхнюю губу и перекладывал с одной стороны на другую, придерживал зубами, и, что интересно, так его и не откусил. А ещё он отметился варварским способом лишения жизни собак и кошек. Новорождённых котят и щенков он топил в пруду, а вот взрослых душил петлёй. Говорил, что так шкура не портится. Где он этому варварству научился, неизвестно; возможно, от немцев или других «культурных» народов Европы, когда покорял эту самую Европу в рядах Красной Армии.

Во время войны он был танкистом, по мере своих способностей и возможностей приобщился к технике и другим железным механизмам. После войны работал в МТС (Машино-тракторная станция) трактористом на «Колёснике» и «Кадорике» (КД–35). Но пришло время, и МТС на государственном уровне решено было ликвидировать. Техника,

станки и помещения передавались (а фактически продавались) колхозам. В стране появились новые гусеничные трактора и комбайны, которые требовали дополнительного обучения и навыков. Семён посоветовался с умными людьми и решил, что это ему не нужно, и вышел на пенсию. Трактор, на котором он закончил свою деятельность в МТС, так и остался стоять у него в проулке. Его потихонечку разбирали на трубки, болты, шайбы, гайки и просто полезные железки. Самыми ценными были, конечно, трубки для пугачей и самопалов. Через несколько лет его зацепили за ДТ-54 и утащили к колхозным мастерским, где окончательно разобрали и сдали на металлолом.

На работу в колхоз он ходил по собственному желанию, когда это было каким-то боком выгодно. Труд колхозника ему совсем не нравился, лошадь, телега и сани – это было не для него, техника – другое дело.

Вовка мечтал пойти по стопам отца и выучиться на шофёра; по крайней мере, сначала на тракториста или комбайнёра. В этом году устроиться на учёбу не получилось. Колхоз направление не дал. На курсы трактористов и шофёров поехали более взрослые парни, уже поработавшие в колхозе. Вовка особенно и не переживал: есть возможность перед призывом в армию поболтать без дела до будущей весны. «А права можно и в армии получить», рассуждал он.

Снега всё не было. Вовка почти каждый день ходил в лес

готовить дрова: либо с отцом, либо один. Одному ему даже больше нравилось: никто не учит, не подгоняет, не командует. Срубил ольху – отдохнул, обрубил сучья – отдохнул, разрубил на чураки по два с половиной метра «на глазок» – отдохнул, покурил. Главное, чтобы не остыть во время перекура. Когда работаешь, то жарко, пот течёт, а когда куришь – холодно. Чего он не любил, так это таскать и складывать в кучу то, что наготовил. После этой работы садился на кучу брёвен, курил, оценивал работу, одевался и шёл домой. Когда ходил с отцом, то работать приходилось интенсивнее, больше и дольше, да и деревья приходилось валить пилой потолще и подлиннее, а они тяжелее.

Вернувшись домой, съедал алюминиевую тарелку щей или супа с курицей, выпивал кружку молока с хлебом и ложился на головец отдохнуть и погреться. Строил планы на вечер. Можно сходить к Ваське, Витьке, Вовке или Мишке, выпить водки, если найдётся, а можно и в клуб, на Люську посмотреть и до дома её проводить. Она хотя ещё учится в школе, но невеста хоть куда. Пышная грудь и круглая задница, прямые ноги с полными икрами, пухлые губы, а ресницы! Какие же они красивые! Они густые и очень длинные, что верхние, что нижние, таких ни у кого нет, разве что у её старшей сестры Наташки. Они не очень чёрные, но довольно тёмные, хотя волосы на голове были тёмно-русые с каштановым отливом, и тоже очень густые. Карий цвет широко открытых глаз и прямой, немного приплюснутый кончик но-

са делали её красавицей. Хотя Ваське и Мишке она вовсе не нравилась. Им казалось, что она полновата, лицо с конопушками, да и ростика небольшого, – пусть подрастёт. И нрава она весёлого и дерзкого – «не по Сеньке шапка». И живёт далеко – километров пять, не меньше. Однако Вовка их не слушал, он был серьёзно увлечён, часто о ней думал и готов был жениться, но после армии.

В начале ноября стало подмораживать ещё сильнее, а снега так и не было. Ветра дули преимущественно северные, народ ждал снега. Мужики, у кого на содержании были лошади, уже приготовили сани и ставили на прикол телеги. Вовка с отцом, под руководством матери, с двух сторон дома соорудили из кривых, полусгнивших слёг и кольев огату, заложили её до окон соломой, осокой и прошлогодним сеном. На юго-западную сторону терпения не хватило, решили лишь прикрыть завалинку соломой, которую ранее наворовали в колхозных скирдах. Установившейся погоде радовалась разве что детвора. Лёд на пруду и на реке был крепкий и гладкий, можно вдоволь покататься на сделанных вручную самокатах, на санках и, конечно, на коньках, прикрученных к валенкам верёвками. Мальчишки повзрослее играли в хоккей, орудуя самодельными клюшками или простыми палками; шайбой служила консервная банка или замороженная картошка. Уроки физкультуры в школе, к радости учеников, проходили формально: на стадионе холодно, а на лыжах пока не получается; и они просто дурачились.

Наконец на Октябрьскую ветер сменился на западный, немного потеплело, и в воздухе появились первые мелкие снежинки. Они кружились, падали на мёрзлую землю и не таяли. К утру земля покрылась тонким слоем белого снега, а снежинки, падающие с небес, стали крупнее и гуще. Если ещё вчера всё вокруг было серым, грязным и некрасивым, то теперь окружающий пейзаж радовал глаз своей белизной и первозданной чистотой.

Вдоль деревни появился первый санный след – это Николай Шапкин поехал на Бородино за клевером для колхозных коров.

Он давно ждал этого снега. Возить корм на телеге ему до чёртиков надоело. Накладывать сено на сани значительно удобнее, чем на телегу: они ниже, почти у самой земли, а главное, широкие. Сани не трясёт, когда едешь. Это телегу на каждой колдобине встряхивает, того и гляди, с воза свалишься. Воз, хотя и небольшой, приходилось связывать верёвкой или гнётом, чтобы не растерять поклажу. С телегой и лошадь идёт рывками, не понимает, что происходит, когда колесо упирается в бугор или попадает в яму. Пустая телега гремит и грохочет, не ровён час, развалится. А на санях хорошо: и не трясёт, и грузить удобно, и ехать одно удовольствие.

Снег с переменной интенсивностью шёл два дня и полностью покрыл землю, крыши домов и сараев, повис на кустах и деревьях.

У школьников осенние каникулы, можно сменить коньки

на лыжи, что многие и сделали. Старожилы говорили, что первый снег обязательно растает, и телеги убирать ещё рано, но он не растаял, а остался на зиму. Морозы в ноябре стояли несильные, но оттепели так и не случилось. Вовка с отцом перевезли к дому дрова, что заготовили по чернотропу, и продолжили готовить ещё. Запрягали утром лошадку, ехали в лес, пилили столько, чтобы сразу увезти, грузили на сани и ехали домой. А когда ехали в лес, то обязательно заезжали к стогу с клевером, клали несколько больших охапок в сани и ехали дальше. Дома сгружали дрова и халявский клевер.

Долгота дня с каждым божьим днём становилась всё короче, а ночи длиннее, съездить два раза не получалось, да и желания такого у них не было. Заготовка дров в заснеженном лесу была занятием нелёгким, воровать клевер из стога было значительно проще.

Пасмурные дни с лёгким снегом сменялись ясными и солнечными. Народ поверил, что тепло уже не вернётся, и приступил к забою скота. Как известно, мясо в деревне хранили солёным в деревянных кадках. С наступлением холодов скотину забивали. Голову и ноги палили на костре и подвешивали в холодном месте к потолку, чтобы не могли добраться ни кошки, ни крысы, ни другие зверьки. Впоследствии всё это шло на студень. Шкуры сдавали в заготконтору за деньги. Внутренности съедались в первую очередь или тоже замораживались. Свежей поджаренной печёнкой закусывали в

тот же день. Остывшую тушу животного рубили на куски, обильно солили, укладывали в кадки и оставляли на морозе в одном из внутренних помещений: на крыльце, в террасе, на мосту, в горнице, в подклети – у кого как заведено.

Прежде чем заложить мясо в кадку, её надо пропарить. Это делается очень просто. Кадку сначала тщательно моют, потом наливают в неё горячую воду, лучше кипяток, литров десять. В кипяток опускают зелёные ветки можжевельника и немного выдерживают. А в это время в печке греются довольно большие камни. Когда камни накаляются, их достают из огня и опускают в кадку. Вода начинает бурно кипеть и выделять запах можжевельника, выполняющего роль антисептика. Кадку накрывают плотной тканью и выдерживают в таком состоянии. Когда вода и камни остынут, кадку освобождают от содержимого и оставляют накрытой до начала рубки и засолки мяса. Рубят мясо на специальном толстом чурбане, который используют из года в год, и тоже тщательно моют и содержат в чистоте.

Семён собрался зарезать двух баранов, которые уже выросли, но пользы от них никакой. Приплода они не дадут, а шерсти он за два года уже настриг столько, что на валенки хватит всей семье. Нюрка уже принесла в дом большой чёрный камень, достала с чердака маленькую кадку и готовилась её парить, но у неё не было можжевельника.

– Два мужика в доме, а толку от вас никакого, – говорила она так, чтобы слышали и соседи, – сколько раз в лесу были,

а можжухи не привезли. Мне самой, что ли, с топором идти?

– Да не растёт в том месте можжуха, там низина, а она в низинах не растёт. Надо, где повыше, – оправдывался Вовка, а Семён молчал, как будто и не слышал: видимо, привык к её нытью.

– У других растёт, а у них не растёт! Всё я за вас, паразитов, думать должна: куда идти, что делать... только за стол вы первые, – не унималась Нюрка.

– Сказала бы раньше, я бы на велосипеде в Карманиху или на Лопату съездил бы: там есть, я видел, – возражал Вовка.

– Пешком иди или лошадь запряги! Съездил бы он! – выкрикивала мать, одновременно выколачивая пыль из половика, повешенного на прясло.

– Ладно, завтра запрягу. Бригадир сказал на мельницу за мукой съездить, – буркнул Вовка и ушёл в дом.

Утро выдалось солнечное, но холодное, ветра почти не было. Вовка быстрым шагом шёл к конюшне, прикрывая ладонью то одно ухо, то другое. Мёрзли коленки; он подумал, что зря не послушал мать и не надел вторые штаны. Во многих домах топились печки. Дым над трубами сначала поднимался почти вертикально вверх, а потом медленно поворачивал к югу. Ранним утром и поздним вечером запах этого дыма из русской печки был особенно приятен. От него веяло спокойствием, домашним теплом и уютом. Курить не хотелось.

Вовка вывел лошадь из конюшни и подвёл к колодцу, но лошадь своим видом показала, что пить не хочет. «Ладно, – подумал он, – дома вынесу из избы воды потеплее: может, попьёт?» Он засунул руку с поводом в карман и медленно пошёл к дому, лошадь послушно шла следом. Теперь лёгкий ветерок дул ему в спину, а солнце грело лицо, настроение улучшилось.

Пока Вовка пил чай с сахаром и баранками, отец запряг лошадь, поставил перед ней беркунок с клевером, добытым из колхозного стога несколькими днями раньше, и ушёл на задний двор стругать заготовки для граблей.

Лошадь за два дня застоялась и почти без понукания по-

бежала мелкой рысцой. На улице значительно потеплело. Когда Вовка подъехал к мельнице, там уже стояла подвода из соседней деревни, и мельник руководил погрузкой мешков с мукой, посмеиваясь над худеньким мужичком, таскающим их на горбу. Он покачивался под тяжестью пыльного мешка, кричал и ругался сам с собой: упрекал мельника в том, что тот туго их набивает.

– Где я вам мешков наберу? Привезёте, как украли, да и те худые, с дырками, без завязок, – говорил мельник, взваливая очередной мешок на спину мужичку, – вон Вовка тебе поможет, а ты ему.

– Почему не помочь, – отозвался Вовка и подошёл к наполненному мукой мешку, – сколько ещё?

– Вот эти три его, а эти твои, – сказал мельник, показывая на стоящие отдельно мешки, – а ты мешки привёз?

– Дядя Коля, я на скотный не заезжал, муку сгружу и сразу завезу, – оправдался Вовка и взялся за мешок.

– А эти, на весах, тоже грузить? – спросил Вовка, указывая на четыре мешка, лежащие крест-накрест на больших весах.

– Нет, это уже не ваши, – ответил мельник, делая записи химическим карандашом в журнале с картонными корками серого цвета.

Вдвоём работа пошла скорее, и подводы были быстро нагружены. Вовка поколотил мужичка по спине, выбивая мучную пыль, отряхнул и с себя.

– Николай Сергеевич, у меня там, в саях, есть... может,

по сто пятьдесят? – как-то вдруг повеселев, заговорил мужичок, которого звали Серёгой.

– А тебе можно? – спросил мельник.

– Можно! – ответил Серёга и выбежал на улицу.

Через минуту он вернулся с чёрной сумкой в руках. В сумке была бутылка Московской водки, хлеб и несколько солёных огурцов; то и другое завёрнуто по отдельности в газету. Мельник взял с подоконника три гранёных стакана, дунул в каждый по отдельности и поставил их на ступеньки, что вели наверх, к бункеру.

– Разливай, – сказал он Серёге, а сам поставил сумку с закуской на ту же ступеньку, – но сначала распишитесь.

Мельник положил раскрытый журнал на мешки, что лежали на весах, ткнул в него пальцем:

– Вот здесь, один и другой; читать и писать, небось, в школе научили?

Вовка с Серёгой поставили в журнале свои закорючки, мельник посмотрел, покачал головой, закрыл журнал и положил его на подоконник.

Серёга зубами открыл бутылку, и вскоре раздалось приятное бульканье. Мужики молча взяли стаканы, чокнулись и выпили. Серёга крякнул и принялся есть огурец с хлебом. Мельник тоже решил закусить огурцом, а Вовка сначала вытер губы рукавом и лишь потом, как-то нехотя, стал грызть хлебную корку.

– Дядя Коля, а ты сегодня молоть будешь? – не зная для

чего, спросил Вовка.

– Сегодня не буду, два дня молот, воды надо подкопить, – ответил мельник и окинул взглядом мешки с зерном.

Поговорив ещё несколько минут о погоде и снеге, Серёга и Вовка уехали, а мельник, взяв лопату и пешню, пошёл на плотину обкалывать лёд вокруг лунки и задвижки.

На скотном дворе были люди. Они помогли Вовке разгрузить муку и собрали пустые мешки. Он завёз мешки, как обещал, на мельницу и поехал в лес за можжевельником. Солнце для этого периода года было уже высоко, светило ярко, но пригревало не так тепло, как весной. В сторону леса был санный след, но не очень накатанный, и лошадь шла шагом. Вовка повернулся лицом к солнцу в надежде согреться. Смотреть на дорогу и управлять лошадью необходимости не было – все дороги вели в лес.

Вскоре дорога пошла вдоль опушки и сразу потеплело. Вовка взялся за вожжи и повернул лошадь к лесу, ехать дальше необходимости не было.

Уткнувшись в лес, лошадь остановилась. Вовка натянул концы брюк на валенки и слез с саней, освободил чересседельник и, взяв охапку клевера с саней, положил её перед лошадиной мордой. Лошадь перестала крутить головой и принялась есть, а Вовка с топором в руках углубился в лес. Ходил недолго. Полазив по снегу от куста к кусту, выбрал несколько веток погуще и позеленее, срубил и двинулся на выход. Убрал сено, привёл в порядок упряжь и сел в сани.

Лошадь понимала, что идёт домой, и шла заметно быстрее, чем в сторону леса. Ей нравилось, что сани остались такими же лёгкими, как были раньше. Как правило, по пути в лес они были лёгкими, а обратно значительно тяжелее, ло-

шадь это понимала. Солнце светило уже не так ярко, а небо покрывалось лёгкой дымкой. Около дома стоял отец и мирно разговаривал с соседом.

– Привёз? – был короткий вопрос.

– Привёз, хватит и ещё останется.

– Заходи, погрейся, я распрягу, – сказал Семён и снова заговорил с соседом.

– Я сам, не холодно, а сколько времени, темно что-то? – спросил Вовка и принялся распрягать лошадь, которая крутила головой и искала, что бы ухватить съедобное.

– Да что-то рано темнеет, а я думал, это у меня в глазах чего-то, – пробурчал Семён, и они вместе с соседом стали крутить головами из стороны в сторону. Вокруг действительно было как-то темновато, но эта темнота была какая-то не такая, как обычно, и надвигалась удивительно быстро.

– Конец света, что ли? – усмехнулся Семён. – Вон и Жучка в конуру забилась и скулит, чувствует: они, животные, лучше нас природу чувствуют.

– Да стой ты, зараза! – ругался Вовка на кобылу. – Сейчас отведу на конюшню, загоню в стоило, нажрёшься... Или тоже конец света почуяла?

Темнота сгущалась, в некоторых домах, в окнах, зажётся тусклый свет.

– Я думаю, это затмение, – произнёс сосед, – по «радиву», что ли, или кто говорил, что оно будет, только вот когда, я не запомнил, давай посмотрим.

Вовка вывел лошадь из оглобель и привязал к саням, чтобы она могла есть, а сам присоединился к мужикам, которые отошли от дома и искали на небе солнце. Несмотря на лёгкую облачность, его можно было рассмотреть.

– Смотри, Димитрич! – говорил Семён. – От Солнца не больше половины осталось! Скоро совсем закроет!

– Совсем не закроет, – возразил сосед, – маленькая верхушка останется, такое уже было перед войной. Мы через закопчённые стёкла глядели – красиво. Видишь, неровно за-

крывает.

На улице становилось всё темнее. Около многих домов стояли люди, как дети, так и взрослые, и тоже смотрели на небо. Всё притихло, всякое движение по деревне приостановилось, жизнь замерла. Через несколько минут стало совсем темно. Вместо Солнца на небе горела лампочка, где-то ближе к вершине солнечного диска.

– Говорят, и перед войной с Наполеоном затмение было? – сам себе сказал Семён. – Не к добру это.

– Да, нехорошо, – отозвался сосед.

– Да ладно вам болтать-то: «Война!», «Наполеон!», зашло Солнце за Землю, вот и всё, – со знанием дела вставил Вовка.

– Не за Землю, а за Луну, – перебил его сосед, – вот увидишь, добром это не кончится.

Вышла из дома Нюрка.

– Чего это происходит, потемнело что-то, а время-то день ещё, я думала, часы остановились – нет, ходят.

– Видишь, Солнце пропало, – ответил ей муж.

– И что теперича будет? – изумилась Нюрка.

– Что будет? Ночь теперь всегда будет, – серьёзно проговорил муж.

– Да ладно тебе из меня дуру-то делать, сам-то умнее, что ли? Говори, что такое? – затараторила Нюрка.

– Вона, смотри на небо: видишь, от Солнца одна лампочка осталась? – снова серьёзно и слегка ухмыльнувшись, проговорил муж. – Теперь всегда так будет!

Нюрка молча посмотрела на небо, благо, высоко голову задирать не надо, и зашевелила губами – молилась.

– Это у тебя в одном месте лампочки не хватает, прости, Господи! – скороговоркой выдала Нюрка. – Взойдёт, никуда не денется, лампочка у него в небе зажглась! Умный больно!

– Взойдёт, взойдёт! Потом договорим, – проворчал сосед, уже обращаясь к Семёну, и медленно пошёл к своему дому.

– О чём это вы договоритесь, чай, не водку пить? – вперила взгляд в мужа Нюрка. – Он с вами, с пьяницами, за один стол не сядет, он мужик – не чета вам!

– Не твоё бабье дело, о чём мужики договариваются, иди вон корове сена дай, слышишь, мычит, – огрызался Семён.

– Уже дала, это она пить просит, воды принесите, в печку поставлю, пока тёплая, – и, глянув на небо, перекрестилась.

Лампочка на небе разгоралась всё ярче и начала превращаться в огненный полумесяц.

– Вовка, о чём это Димитрич с отцом договаривался? – Нюрка знала, что сосед просто так не придёт, значит, Семён копеечку заработает и от неё утаит и, возможно, пропьёт, хотя не такой он уж и пьяница.

– Мамка, откуда я знаю, о чём они говорили, я за можжухой ездил, да за Солнцем смотрел, как оно толи за Землю, толи за Луну пряталось, – ответил сын и направился к саням, где лежала можжуха.

С саней вспорхнуло несколько синиц и воробьёв. Они прыгали по сену, большую часть которого составлял клевер,

и выбирали семена трав, которыми и лакомились. Вовка снова вспомнил о кормушке для садовых птиц, которую он собирался сделать ещё в конце лета. Он видел, как соседские дети, из дома напротив, приспособили для этого обыкновенный посылочный почтовый ящик из фанеры. Они просто повесили его на тонких верёвках боком. Получился домик в виде большого кубика, закрытый с пяти сторон и открытый с одной. В такую кормушку удобно зерно насыпать, и снег в неё не заметает, и за птицами понаблюдать можно. Всякий раз Вовка собирался слазить на потолок и поискать там ящик или пошарить в горнице, но забывал.

– Твою мать! Женщина лёгкого поведения на букву «б»! – громко прокричал Вовка. – Ты что жрёшь, женщина на букву «б», тебе клевера мало?

Вовка вырвал изо рта у лошади ветку можжевельника и ударил ей по морде лошади, та отпрянула, но осталась на месте. Увидев остальные ветки на санях, Вовка с облегчением вздохнул, продолжал ругаться и порадовался за себя, что срубил несколько лишних веточек.

– Вот сейчас запрягу, пока хомут не снял, и снова в лес поеду, будешь знать, как можжуху жрать, – приговаривал Вовка, собирая оставшиеся ветки.

Неизвестно, поняла ли его лошадь, но, как ни в чём не бывало, принялась есть клевер. На улице постепенно стало светать. Нюрка продолжала пытаться мужа, и тому пришлось признаться, что Димитрич приходил договариваться насчёт

крыши у его тётки. Крыша на дворе прохудилась, и в некоторых местах течёт. Вместо того, чтобы её латать, зять решил покрыть её заново. Он уже начал щепать дранку, и для начала хочет посоветоваться с Семёном о необходимом количестве этой дранки, поскольку Семён в этом деле разбирается лучше него. Потом они договорятся о цене, и по весне Семён примется за работу.

Немного успокоившись, Нюрка ушла в дом. Вовка окончательно распряг лошадь, убрал сбрую и повёл лошадь на конюшню. Семён ещё полюбовался чудесами на небе, потом взял с крыльца пустые вёдра и пошёл к колодцу за водой. Зачерпнув воды, остановился, закурил и долго молча смотрел на небо.

Вскоре день вернулся к своему нормальному состоянию. Перед закатом Вовка вышел за дома, чтобы убедиться, что с Солнцем всё в порядке, и оно сядет там, где положено.

Убедившись, направился к Мишке, чтобы поиграть в карты в «козла» или в «дурака», поболтать о затмении, о бабах, выпить чего-нибудь, если найдётся.

Зима между делом полностью вступила в свои права. Установилась морозная безветренная погода. Небо было ярко-голубым и совершенно безоблачным. Днём, когда светило солнце, было относительно не холодно, а ночью на землю опускались трескучие морозы. Звёзды сияли так ярко, что можно было рассмотреть даже самые далёкие и крошечные из них. Млечный Путь выглядел действительно путём, и напоминал припорошенную снегом дорогу от одного края неба до другого. Разные звуки, не встречая сопротивления воздуха, разносились далеко по округе. Треск лопающихся деревьев прилетал даже из леса. Издалека был слышен звук ша-

гов и скрип полозьев. Они явственно доносились как из своей, так и из соседней деревни. Птицы замолкли и попрятались, в ночи было слышно лишь тьяканье лисиц и ответный лай собак.

В домах по утрам топили Русскую печь, а по вечерам – маленькую, или Голландку. Вечером в лунном небе и утром на рассвете были видны столбы дыма, медленно поднимающиеся из кирпичных труб.

Этот дым зимой был первым признаком жизни в деревне. Люди топят печи, чтобы согреться и приготовить пищу себе и домашним животным. Те, у кого есть постоянная рабо-

та, торопятся истопить печь до начала рабочего дня. Русская печь во многих семьях, особенно многолюдных, что было не редкостью, являлась спальным местом. Малые дети, забравшись на тёплую печь, играли в свои нехитрые игры и просто шалили. Запах дыма из печки был запахом жизни. А в морозные ночи над горящими фонарями строго вертикально вставали блестящие столбы ледяных кристаллов. Они переливались в свете фонаря и создавали праздничное настроение. На ходу или во время работы мороз кусал людей за открытое лицо. То и дело приходилось тереть рукавицей то уши, то нос, то щёки, чтобы не отморозить.

Жизнь, однако, продолжалась, приближался Новый год. Семён с Вовкой давно зарезали двух овец. Правда, Вовка в основном стоял рядом, руки в брюки, и делал лишь то, о чём просил его отец. Распилили дрова, начали колоть. Семён сделал два скворечника из старых досок, которые весной намеревался повесить в огороде. Вовка даже успел почти месяц поработать на льнозаводе, но ему это не понравилось, и он решил до армии отдохнуть. Кому хочется вставать затемно и к восьми часам идти три километра на работу в любую погоду. После окончания рабочего дня, в пять часов, – те же три километра домой. А вторая смена вообще с пяти до двух часов ночи. Он хотел попасть к двоюродному брату в котельную, но там все места были заняты, и кочегары держались за свои места. Тепло, льготная выслуга: отработал пятнадцать лет в горячем цеху – и на пять лет раньше на пенсию. Да и зарплата хорошая. Определили на сырьевой двор, а это работа на улице – тяжело и холодно. До зарплаты дотянул, а на большее мужества не хватило.

Теперь он снова свободный человек. Иногда выходит на колхозные работы. «Из-под палки» помогает матери по хозяйству. Несколько раз с напарником ездил в лес за дровами на продажу. За один воз получал бутылку водки или три рубля, возможно, с копейками, чтобы на бутылку хватило. За отдельную плату с друзьями пилил эти дрова и колол. Мать ругалась, что дома ничего делать не хочет, а по людям ходит.

Виноваты во всём были, конечно, друзья, которым она давала позорные клички и ругала на чём белый свет стоит.

Заработанные деньги, как повелось, с большим удовольствием и без всякого сожаления пропивались, если мать не успевала их вытащить тайком из его карманов. Удовольствие было сомнительным, но к нему почему-то стремились.

Длинные зимние вечера особым разнообразием не отличались. Играл с друзьями в карты, домино – как с водкой, так и на трезвую голову. Ходил в клуб в кино или на танцы; когда оставался дома, то читал книжки. Несколько раз провожал Люську до дома и всё больше проникался к ней непонятным чувством.

Ближе к Рождеству зима хватку немного отпустила. Подули западные ветра, на небе появились облака, временами шёл снег. Ночная и дневная температура почти сравнялась. Лишь перед рассветом становилось холоднее. У колодца, из которого окрестные дома берут воду на чай, собрался в субботу народ, чтобы убрать снег, а главное лёд, намёрзший во круг колодца и под ногами. Вёдра скользили, проливались, а народ падал – хорошо, не в колодец. Вовка пришёл без своего подсобного инструмента с надеждой сачкануть, но не получилось: ему вручили железную совковую лопату и заставили откидывать в сторону отколотый топором или ломом лёд. Деваться некуда, пришлось работать.

По окончании работы по рукам начали ходить какие-то деньги, достоинством в один рубль, и мелочь. Сначала их собирали, потом раздавали. Вовке с Мишкой досталось три рубля с копейками, и они решали, что с ними делать. Пришли к выводу, что надо идти к Сашке Умнову, у него отец и мать работают на заводе, значит, деньги есть. Немного добавит, и можно купить бутылку водки или две бутылки вина, а вечером в клуб.

Сашка действительно добавил денег, и они втроём направились в магазин.

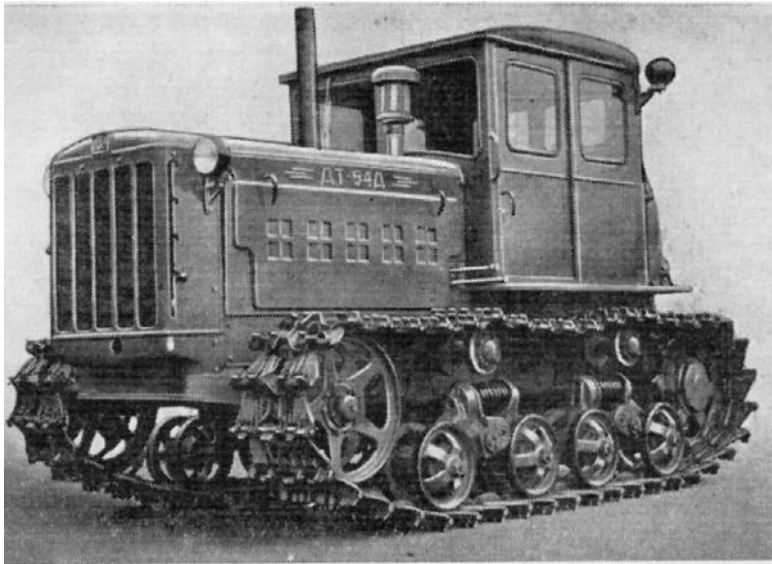
– Я сегодня на печке спал, и мне такой чудной сон приснился, – начал рассказывать Вовка, когда они вышли на большую дорогу, – с кем-то из наших я шёл, а куда – не знаю. Было лето, и на улице тепло. Мы подошли на берег реки. Он был крутой и довольно высокий, как у нас на омуте. Когда я посмотрел вниз, то увидел в воде двух плавающих девчонок. Одна была совсем голая, а другая в купальнике – ну там маленькие плавки и лифчик. Обе такие стройные, я таких-то и не видел никогда. Я решил к ним прыгнуть и выбрал сначала совсем голую, но потом, не знаю почему, понял, что в купальнике плавает Люська! И я сразу собрался прыгать к ней, хотя она и в купальнике. Но на этом сон оборвался, и что было дальше, непонятно.

– А что тут непонятного, погубить она тебя хочет, – успокоил его Мишка, – смотри не утопись с горя.

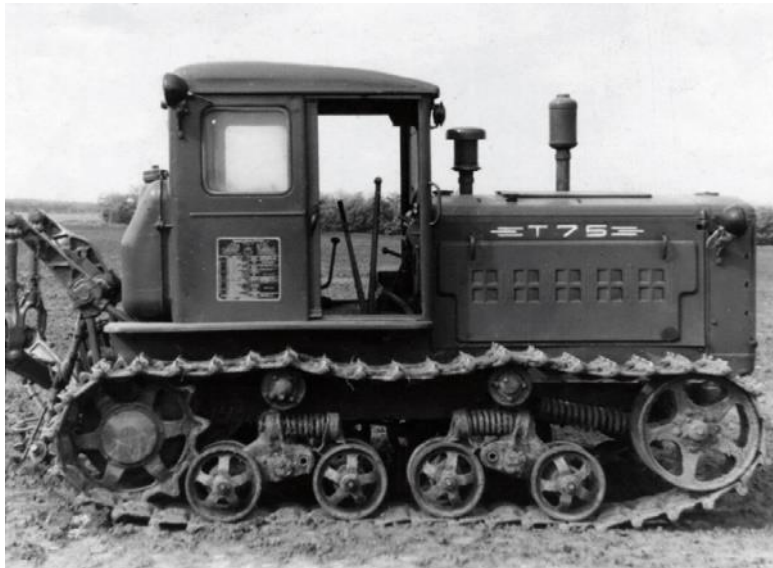
– Не утоплюсь, я плавать умею, – ответил Вовка, и дальше они пошли молча, прибавив шагу и подгоняемые попутным ветром, да и очень хотелось поскорее выпить: заслужили!

Денег хватило на три четвертинки водки, два сырка и банку килек в томате. Они рассовали их по карманам и двинулись в обратный путь. Праздновать решили у Мишки. Дома был его отец, и если ему налить, то он сообразит хорошую закуску. Встречный ветер усилился, но заметно потеплел, в небе кружились очень крупные снежинки. Из носа текли жидкие сопли, которые то и дело приходилось вытирать рукавицей или рукавом.

Дядя Коля был рад гостям, пришедшим не с пустыми руками. Была поджарена на большой сковороде яичница, почищена варёная картошка, которую заправили пахучим подсолнечным маслом и репчатым луком. Расставлены стопки и разложены вилки, порезан ржаной хлеб домашней выпечки. Из банки извлечены солёные огурцы, поставлена на стол тарелка со студнем. Порезаны сырки и открыта банка с килькой. Дома у Вовки такую вкуснятину не готовят. Стопки оказались небольшими. Разливали четыре раза. Разговорчивее всех был Николай. Ещё до прихода молодёжи он выпросил у жены половину стакана водки ради похмелки и был в хорошем настроении. Рассказал несколько поучительных историй из собственного опыта, поделился секретами профессии комбайнёра и тракториста. Вспомнил, как в молодости работал с Семёном на допотопной технике и ходил за плугом на лошадиной тяге. Как осваивал первые мотоциклы, которые он менял по мере их совершенствования, и много ещё чего из жизни советской деревни. Нахваливал свой новый трактор Т-75, который получил вместо ДТ-54, хотя внешне они почти не отличались.

Несколько лет назад ему предлагали поработать на тракторе «Беларусь», который был значительно комфортнее ДТ-54, но ему не понравилось, и он не согласился. Он привык к гусеничным тракторам и на колёсный пересаживаться не захотел. Да и в хозяйстве гусеничный трактор для него был более полезным и надёжным.

– А на «Белорусах» пусть молодые работают, – заключил он.

После трапезы Вовка зашёл домой, переоделся и собрался в клуб. Мать пыталась его остановить, ссылаясь на ненастную погоду и праздник. Возмущалась тем, что люди идут в церковь, а они в клуб. Но у неё ничего не получилось: уж очень ему хотелось Люську повидать, да и дома сидеть не было никакого желания.

Мишку мать гулять не пустила, для чего большого труда и не потребовалось: он и сам не очень хотел. Летом на мотоцикле – другое дело, а зимой по снегу и морозу удовольствия мало, да и Любка у него была в противоположной стороне.

Вовка зашёл за Александром и застал там ещё и Ивана, который тоже собрался в клуб в надежде посмотреть кино. У него дома телевизора не было, и кино являлось для него одним из любимых развлечений.

Снег не прекращался и даже усилился, уже покрыл дорогу довольно толстым слоем. Вовка радовался, что надел Витькино пальто с меховым воротником, который прикрывал шею от ветра и снега со спины.

Народа в клубе оказалось немного. Кино не показывали. Молодёжь тусовалась под музыку, звучащую с пластинки из радиолы. Пластинки были прилично заезжены, порой их заедало, но это никого не смущало. На середине зала всё ещё стояла новогодняя ёлка. Вовка сел на скамейку рядом с Люськой и пытался завести разговор, но о чём говорить, не знал. Настроение у Люськи тоже было нерадостное. В клуб она пришла со своей старшей сестрой и соседкой Галькой, которая была старше неё на два-три года. Они шли против

ветра, можно сказать, замёрзли, и несколько раз подумывали повернуть назад, но решили дойти всё-таки до клуба, коли пошли. Отогревшись, засобирались домой, коль ухажёра старшей сестры в клубе не было. Вовка вышел из клуба и пошёл вместе с ними. Отойдя метров двести, Люська стала уговаривать Вовку не провожать её. Ей с девчонками веселее, и погода не та, чтобы ходить по улице, шёл бы он тоже домой и грелся на печке.

Вовка быстро согласился, Люська побежала догонять подруг, а он вернулся в клуб. Своих друзей там не нашёл, искал попутчиков, но таковых тоже не оказалось. Он застегнулся на все пуговицы, надел рукавицы, опустил «клапана» шапки-ушанки и вышел на улицу. Снег, как и прежде, сыпал крупными хлопьями и кружился под порывами ветра. На дороге образовались перемёты. Вовка уже пожалел, что пошёл в клуб, надо было остаться дома или поиграть в карты у кого-нибудь из земляков. Настроение его ещё больше испортилось, когда закончился заводской забор, и дорога повернула на девяносто градусов. Теперь ветер дул в лицо, а под ногами вместо перемётов лежал почти ровный слой снега. Всё вокруг стало абсолютно белым, и ориентироваться можно было лишь по краям дороги, которые ещё возвышались над проезжей частью и были едва видны в ночной мгле. Вовка шёл на ощупь. Идти становилось всё труднее, снег залеплял глаза, а голова сама поворачивалась в сторону, спасаясь от ветра.

Где-то здесь дорога делилась на две. Одна пролегла по деревне, а другая поворачивала налево и шла за деревней. Она была немного короче. Вовке она была хорошо знакома, по ней он совсем недавно ходил на работу. А с другой стороны, ему надо было повернуть от ветра, который хотя и был не очень сильным, но дул прямо в лицо, а так он будет дуть сбоку, и лицо можно прикрыть воротником. Было бы совсем хорошо, если бы были завязки у шапки, а то, как оторвались неизвестно в каком году, так мать и не пришила до сих пор.

Вовка внимательно всматривался в левую обочину, и по еле заметным признакам отыскивал поворот. Эта дорога была

неширокая, значительно уже той, по которой он только что шёл, трактора и машины по ней не ездили. Это был санный путь, по нему же ходили рабочие на завод, он, скорее, напоминал тропу. Таких дорог и пешеходных тропинок вокруг деревень и между деревнями было немало, люди старались выбирать путь покороче. По ним ездили на лошадях, чтобы не встречаться с тракторами и машинами. Большинство лошадей пугались работающей техники и при встрече шарахались в сторону. Хорошо, если порожняком, а если с возом, то жди неприятностей. Со временем лошадей приучали к технике, но были и такие, которые так и оставались «дикими», несмотря на потуги хозяев приучить их не бояться тракторов, машин или комбайнов.

Снег усиливался. Видимость сократилась до минимума. Вовка правой рукой держал воротник, прикрывая лицо, и шёл на ощупь почти боком. Ноги поочерёдно, то одна, то другая проваливались в глубокий снег, соскальзывая с дороги, которая окончательно сровнялась с обочиной. Вовка с большим трудом отыскивал ориентиры, которые припоминал. Вот одно прясло, вот и другое, а вот и одиноко стоящая берёза, она еле просматривается сквозь снежную пелену, но это она, значит, не заблудился. А вот и сарай. Внутрь попасть не удалось, на дверях висел замок. Вовка спрятался за сараем от ветра и присел на корточки, прислонившись к стенке. Вытряхнул снег из валенок и натянул брюки на голенища. От усталости хотелось лечь и поспать, но надо идти, осталось

перейти поле, а там мост через реку и большак, на котором мог быть хоть какой-то след.

Вовка всматривался в непроглядную темень, созданную ночью и снегом, и ему казалось, что он погрузился в бездну, где нет ничего живого, кроме него одного. И он вот-вот провалится на самое дно этой бездны, если это дно вообще существует. Ему даже приходила мысль лечь в сугроб и умереть, чтобы не мучиться. Но, с другой стороны, помирать вроде бы рановато.

Ему стало страшно, и он решил поскорее преодолеть последний рубеж до большой дороги, прийти домой и забраться на печку. Он поднялся с корточек и стал вспоминать, откуда пришёл и в какую сторону идти? Немного поразмыслив, двинулся в нужном направлении, дорога под ногами еле прощупывалась, а снег валил сплошной стеной крупными хлопьями. В его голове нарастала паника, он перестал ориентироваться не только в пространстве, но и во времени. Он не понимал – время летит или остановилось? Вовка потерял дорогу и бессознательно ходил то вправо, то влево в надежде её отыскать. Снег доходил до колен и выше, иногда ему казалось, что он идёт по воде, а не по снегу. Он уже не понимал, где он находится и что делать.

Собрав остатки разума, Вовка принял решение вернуться назад к сараю, оторвать доску от двери и переждать внутри невиданный им доселе буран. Если не получится проникнуть в сарай, то выйти в деревню, до домов там совсем недалеко.

Он повернул назад и сделал десяток шагов, но дальше идти было некуда, его недавний петляющий след заровняло так, что и «днём с огнём не сыщешь». Вокруг ни огонька, ни звука, только шум ветра. «Всё, – решил Вовка, – это конец». Говорила мать, что не надо в клуб ходить в канун праздника, а он не послушал и попёрся. Вот Боженька от него и отвернулся, отдав в лапы нечистой силы. Он задрал голову вверх и посмотрел в небо – там действительно кружились черти и строили ему смешные и страшные рожи, лучше не смотреть и не думать об этом. «Куда теперь?»

Вовка вспомнил, что, когда он вышел из клуба и шёл домой, ветер дул в лицо или справа. Покрутился на месте и выбрал направление почти навстречу ветру. Он ещё раз поднял лицо к небу, чтобы сделать глубокий вдох и двинуться вперёд, открыл глаза и среди снежной пелены снова увидел лики чертей, которые сменяли друг друга и метались из стороны в сторону. По всему телу пробежала мелкая дрожь, Вовка опустил глаза, перекрестился, произнёс вслух: «Спаси, Господи!» – и сделал первый шаг вперёд. Теперь он мечтал не только попасть домой на печку, но и убежать от чертей.

Каждый шаг давался всё труднее, снег не прекращался, а всё шёл и шёл, и уже доходил выше колен. Глаза можно было не открывать, а просто идти, всё равно ничего не видно, кроме снежной пелены прямо перед глазами. Он боялся посмотреть вверх или в сторону, он знал, что черти рядом и хватают его за ноги и полы пальто, которые уже волоклись по

рыхлому снегу. Придерживая воротник и отворачиваясь от холодного ветра, он забирал всё левее и левее и не подозревал, что черти ведут его по кругу. Лишь когда ветер начинал дуть ему в спину, он менял «курс» и выходил из круга. Выбившись из сил, Вовка опустился в сугроб, закрыл глаза и хотел заплакать, но слёзы мёрзли на щеках, и лицу становилось холоднее. Черти уже сидели у него на спине и прижимали к земле.

Ему показалось, что ветер немного стих, но снег валил с той же интенсивностью. Спина и ноги стали замерзать. Вовка открыл глаза, и его опять охватил тихий ужас. Он снова увидел бездну, из которой нет выхода. Взгляд проникал в окружающую мглу на расстояние вытянутой руки. Он еле разогнул застывшие колени и пошёл, стараясь через силу высоко поднимать ноги: ему казалось, что так легче. В какой-то момент ему почудилось, что он спит, и всё это происходит не с ним, он вот-вот проснётся и окажется на печке среди всякого барахла и рядом с котом, который всегда пытается лечь ему на голову. Он очнулся, когда одной ногой провалился в какую-то яму и упал в рыхлый снег лицом. Вовка встал на колени, открыл глаза и понял, что спал на ходу. Ему было холодно, и его трясло.

«Так-то и насмерть замёрзнуть можно», – подумал он.

На его памяти такое случалось, когда по пьянке мужики засыпали среди сугробов и умирали, но он уже окончательно протрезвел, и умирать ему совсем не хотелось. Да и Люсь-

ка ещё не целованная, как следует, ходит. Он в очередной раз вспомнил о Боге, поднялся и снова двинулся в путь, делая шаг за шагом в непроглядную тьму. Ветер действительно немного стих и не так обжигал лицо, можно было идти почти на ветер. Ноги его совсем не слушались и еле двигались. О чертях он совсем забыл, как вдруг они напомнили о себе. Впереди потемнело. «Вот они», – подумал Вовка и остановился. Черти тоже остановились и лишь слегка, как ему показалось, пошевеливались. А может, это инопланетяне, о которых ему рассказывал двоюродный брат Мишка, когда приезжал из Москвы на летние каникулы погостить. Он говорил, что для них никаких преград на земле не существует. Они передвигаются бесшумно на летающих тарелках, иногда с зажжёнными огнями.

«А вдруг это медведь?» – Вовке стало совсем страшно и он, собрав последние силы, поспешил в сторону, от греха подалее. Сделав десяток шагов, оглянулся – сзади никого не было. Теперь он шёл против ветра. Мыслей в голове никаких не было, и он полностью вверился судьбе, отказавшись думать и сопротивляться. Он будет идти, пока не помрёт от усталости, холода или от голода.

Вовка медленно шёл, пока не провалился по пояс в какую-то яму. Снег попал под пальто и обдал холодом живот и спину.

«Вот и пипец пришёл, его мать! – подумал он. – Подохну в этой яме, до весны лежать буду, пока снег не растает. А

может, и весной не найдут. Хрен его знает, где эта яма? А может, это реку так замело? Весной унесёт в Волгу и хоронить не надо будет».

Поразмыслив, Вовка догадался, что, это не река. Река шире, и берега у неё круче, а тут почти ровно, надо вылезать.

Вовка начал впереди себя разгребать руками снег и на четвереньках пополз вперёд. Яма оказалась неглубокая, хотя и далась нелегко, и он вскоре уже был на ровном месте. Сделав несколько шагов, остановился: ему показалось, что он ощутил под слоем снега твёрдую землю. Радость прибавила ему сил, и он начал ходить в разные стороны, пытаясь определить, в каком направлении пролегла дорога, если это действительно дорога.

Снег по-прежнему валил и кружился в лёгком ветерке, ложась ровным слоем. Вовка встал лицом к ветру, как он и шёл последнее время, и стал решать, в каком направлении идти. Вдруг до него донёлся непонятный звук. Он поднял одно ухо у шапки и стал прислушиваться. Теперь этот звук он услышал вполне отчётливо, но с какой стороны он доносился, понять было невозможно – он доносился со всех сторон. Через некоторое время слева появился рассеянный свет. Ещё через несколько мгновений появился одиночный источник света.

«Вот и они, инопланетяне!» – быстро сообразил Вовка. Только вот инопланетяне, как говорил Мишка, летают без звука, а эта тарелка тарыхтит, как трактор. И точно: не тарелка, а новенький трактор «Беларусь».

Вовка отскочил в сторону и замахал руками. Трактор остановился. Дверь кабины открылась, Вовка подошёл к трактору, ухватился руками за дверь, поднял голову вверх и начал лепетать что-то непонятное.

– Володтя, ты, что ли? Какого хрена ты тут делаешь? – спросил инопланетянин, добавив ещё несколько матерных слов.

– Домой иду, – еле ворочая замёрзшими губами, ответил Вовка.

– Так дом-то в другой стороне, – удивился инопланетянин.

– Я заблудился, куда идти, не знаю, подвези, – с трудом выговорил Вовка.

– Иди залезай с другой стороны, твою мать, – скомандовал

инопланетянин и открыл дверь кабины.

Вовка обошёл трактор и, хватаясь за что попало, попытался влезть в кабину, но сил не хватило. Инопланетянин вышел из трактора и стал его запихивать. С первой попытки ничего не получилось, Вовка никак не мог поднять ногу до ступеньки. Во второй попытке Вовка упал в снег, прихватив с собой из кабины какой-то мешок.

– Твою мать! Ты так всё у меня из трактора повыкидываешь, сейчас если не залезешь, пешком за трактором пойдёшь! – выругался инопланетянин и снова принялся подталкивать Вовку в кабину.

Третья попытка оказалась удачной. Вовка уселся на сиденье, а инопланетянин при помощи матерных слов поднял с земли мешок и положил в ногах у пассажира. Захлопнул дверь и, ругая погоду, обошёл трактор, сел на своё место, и они тронулись.

– Откуда ты идёшь-то, – начал разговор тракторист.

– Из клуба, – ответил Вовка.

В кабине было почти так же холодно, как на улице, но ветра не было, и от этого казалось теплее, а Вовку всё равно трясло.

– Ну, тебя занесло! – удивился тракторист.

– Натуха, ты, что ли? – глядя на соседа, с удивлением вымолвил Вовка.

– А ты чего, не узнал, что ли? – искренне удивился Анатолий. – Я тебя тоже в этом «пальте» не узнал, ты в нём, как

будто Ленин в Октябре.

– Не, сразу-то не узнал, думал, инопланетянин какой, в башке всё перемешалось – уже посмеиваясь, ответил пассажир, – а ты откуда едешь?

– К тётке за мясом ездил, она поросёнка зарезала, вона в мешке, – ответил Анатолий.

– Дорогу совсем не разберёшь, – ругался тракторист, – да ещё фара одна не работает. Лесом-то не так перемело, можно разглядеть, а тут всё сровняло, гляди того в канаву съедешь, ничего не видно, тебя в последний момент увидал. Выско-чил, как Чёрт из табакерки!

– Вот и меня нечистая сила водила, в каких канавах я только не побывал, – жаловался Вовка, – думал, всё, пипец мне-ка! А про чертей ты правильно говоришь, я их собственными глазами видел.

Потихонечку, почти как пешком, они доехали до моста через речку Саблю. И тут Вовка оживился от нахлынувшей радости: он вдруг понял, что скоро будет дома и заберётся на печь. А снег всё сыпал и кружился в свете фары.

– Я тебя на прогоне высажу, – сказал Анатолий, когда они стали подъезжать к деревне.

– Нет, вези до дома, – взмолился Вовка, – я не дойду.

– Не дойдёт он, твою мать! А если бы я не попался? – начал Анатолий. – Пёхал бы ты до Колокарёва четыре километра! Хорошо ещё, что я за столом у тётки посидел, а то проехал бы раньше.

– Не дошёл бы, – то ли шутя, то ли серьёзно ответил Вовка, – подох бы!

– Ладно, стакан с тебя, довезу, – согласился Анатолий и повернул вдоль деревни.

Через десять минут Вовка лежал дома на печи. Его всё ещё трясло от холода и корёжило.

Ещё через полчаса он уснул, и ему снился сон, как он идёт по высокой траве, которая цепляется за ноги, а в спину светит солнце. Ему хочется искупаться, но он не знает, в какой стороне река, и спросить не у кого.

К утру снег прекратился, снова похолодало. Всё вокруг было засыпано снегом. Ни единого следочка, лишь доярки прошли на скотный двор друг за другом по снежной целине и обозначили признаки жизни.

Семён взял на крыльце деревянную лопату и, ругаясь на всё подряд, вышел на улицу. Уж очень не хотелось ему вступить в поединок со снегом, но надо, «в лопату её мать!».

Затарахтел мотор. Это Николай завёл свой новый трактор. Ещё вчера ему дали наряд прочистить дороги самодельным деревянным клином, обитым толстыми железными листами. Этот клин он около механических мастерских прицепит к трактору и поедет разгрести дороги между деревнями и подъезды к скотным дворам, складам и другим объектам. А сначала надо выручить из беды Серёгу. Тот припёрся чуть свет и умолял вытащить его трактор из канавы, в которую он попал вчера ночью, не рассмотрев дороги.

– Может, и выехал бы сам, да заглох: солярка, что ли, кончилась, – оправдывался Серёга. От него слегка попахивало спиртным. Николай понял, что в канаву он вчера заехал неспроста.

И действительно, Серёга извлёк из кармана бутылку водки, которая была уже почата. Они похмелились. Николай высказал Серёге всё, что он думает о теперешней молодёжи. Какая она бестолковая и ничего путного самостоятельно сделать не может. Только водку пить да проблемы создавать себе и людям, но выручать надо. Разошлись, договорившись о дальнейших действиях. Серёга ещё раз рассказал Николаю, где торчит его трактор.

Прогрев трактор, Николай сел в кабину, взялся за рычаги, залихватски развернулся на одном месте и поехал по снежной целине вдоль деревни с одной засевшей в голове мыслью: «Эх, дороги!»

Вера, Надежда, Любовь

Население старых российских деревень в летний период увеличивается. Так происходит сейчас, в двадцать первом веке, так было и в двадцатом. Только российский люд, за счёт которого происходит и происходило это увеличение, разный. Сейчас, когда пишутся эти строки, на лето в село приезжают многочисленные дачники, как правило, не имеющие исторических связей с данной местностью. Горожане приобретают дома или земельные участки там, где нравится, или там, где подвернулся случай. В новой России дачные участки стали большими и очень большими. Выделяются под них поля, где при советской власти колосилась рожь, ячмень, пшеница, овёс, расцветал лён, гречиха, картошка. Сады, где к концу лета созревали яблоки и груши. Поймы рек, где зеленела капуста, морковь, свёкла, клубника. Луга и пастбища, где паслись стада коров, овец, лошадей.

В середине и во второй половине прошлого века было иначе. Жителям городов предоставлялись земельные участки в дачных кооперативах, товариществах на необжитых землях. Распределялись они на предприятиях или в местных органах власти. На участках размером от пяти до десяти соток корчевался лес и кустарник, осушались низины и болота, проводились дороги и электричество. Строился дом размером пять на пять метров, разбивался сад, огород, цветник,

и люди наслаждались жизнью. А вот в деревню ехали люди, которых незримые нити привязывали к этим местам.

На летние месяцы в деревнях собирались бывшие жители, покинувшие родные места в поисках лучшей доли. Ехали помогать своим состарившимся или повзрослевшим родителям и отдохнуть душой, прикоснувшись к детству и юности, повидаться с односельчанами, одноклассниками, друзьями и подругами. Работу по ведению деревенского хозяйства совмещали с активным отдыхом. Пили вино и водку; прилично выпив, распевали песни. Ходили в лес за земляникой, черникой, малиной, а ближе к осени – за грибами, клюквой. Любители рыбалки с раннего утра усаживались на берегу и ловили рыбу – от маленького сопливого колючего ерша до больших щук и сомов. Разъезжали по округе на велосипедах и мотоциклах, а по вечерам гоняли мяч, стучали в домино. Одним словом – отдыхали, а заодно наслаждались природой, дышали чистым воздухом, пили колодезную воду, домашний квас из берёзового сока и парное молоко.

К «старикам» приезжали внуки, собирались в стайки с местной детворой и творили, что хотели. Приезжала на каникулы и в отпуска молодёжь, совсем недавно покинувшая родные места. Заборов никто не строил. Это теперь горожане соревнуются – у кого забор выше и прочнее.

Мишка с раннего детства проводил всё лето в деревне у своего дяди, где у него были два двоюродных брата, один на год старше, другой на год моложе. Он окончил третий курс

медицинского института и каким-то хитрым способом оформил прохождение месячной практики в местной больнице, что была в соседнем селе. На «работу» ездил на велосипеде или на мотоцикле, что был у его брата Кольки. Он был очень коммуникабельным парнем, быстро сходился с людьми разных полов и возрастов. Весёлый нрав, эрудиция, доброта и незлобивость, вдобавок и привлекательная внешность, везде делали его своим парнем. В больнице к нему относились, как к гостю, и особо не требовали соблюдения трудового распорядка. На рабочем месте он появлялся ежедневно, долго не задерживался, но то, что ему поручали, выполнял исправно. После чего спешил на почту, где за перегородкой сидела Любка, девушка приятная во всех отношениях, хотя и замужняя, что, кстати, делало её ещё привлекательнее. Муж почему-то так не считал и большую часть времени проводил у своих родителей в другой деревне. Наверное, по этой причине детей у них и не было.

Прошёл слух, что в лесу пошли грибы. Мишка не большой любитель сбора грибов, как его брат Колька, но отказать в походе за грибами он ему не мог. Встав утром пораньше и взяв корзинки небольших размеров, отправились в лес. Решили, что собирать будут только хорошие грибы, а всякие переростки брать не будут. Погода стояла самая грибная. Накануне прошёл дождь, небо в сплошных облаках, не жарко и не холодно. В лес шли сначала по полям, потом по лесной дороге, потом свернули на тропу, а затем сошли с тропы и

углубились в нехоженный лес.

В сосновом лесу, поросшем папоротником, начали попадаться сначала лисички, которые как огоньки высвечивались то по одному, то стайками. Потом появились и белые, но их было не столько, как хотелось бы.

Вокруг небольшого болотца, где растут осины и берёзы, наряду с редкими белыми стали попадаться подосиновики и подберёзовики, но подберёзовики они не брали, надеялись набрать грибов без них.

Бродили долго, порой шли, шли – и ни одного гриба. Куда зашли, и сами не знали. Уже устали и засобирались домой, в надежде добрать корзины на обратном пути. Но вот где дом – задача. Солнца на небе не видно, а другие ориентиры ненадёжны. Посовещались, изучили лесные приметы и пошли, как они предполагали, на восток. Лес был какой-то

неправильный. То и дело попадались болота, поросшие высокой травой или густым ивовым кустарником вперемежку с тонким березняком. Некоторые болотца обходили стороной, через другие лезли напролом. Грибы почти не попадались, да и собирать их настроения уже не было, особенно у Мишки. По их подсчётам, они должны были уже выйти на одну из дорог, имевшихся в этом лесу, Колька об этом знал и упорно шёл вперёд, но дороги всё не было.

В какой-то момент у них закралось сомнение в том, что они идут в правильном направлении. Решили скорректировать маршрут, хотя, кто ходил по лесу, знает, что пути в лесу неисповедимы. Можно целый день ходить по кругу и никуда не выйти, пока не получишь какой-нибудь точный ориентир. Да и по дороге можно пойти совсем не в ту сторону.

Долго ли, коротко ли шли, где-то сбоку замаячил просвет, что их очень порадовало.

– Может, опять болото? – сам у себя спросил Михаил.

– Сейчас посмотрим, – подбодрил его Николай и повернул в ту сторону, где маячила робкая надежда на спасение.

Через несколько минут грибники вышли на овсяное поле, а за полем, в полукилометре, виднелись крыши деревенских домов.

– Куда вышли? – спросил Мишка.

– Пока не знаю, сейчас поглядим, – ответил Николай и двинулся напрямик к крайнему дому.

Войдя в деревню, Николай радостно произнёс:

– Так это, кажись, Большое Лопатино? – я с дедом через эту деревню на лошади в город на базар ездил. А там дальше, – Николай показал рукой вдоль деревни, – должно быть Малое, но нам туда не надо. Нам по этой дороге в другую сторону. А вон и колодец, мне помнится, мы у него лошадей поили.

– Колодец – это хорошо, пить позарез хочу, пойдём попьём, – уже на ходу вдоль деревни произнёс Михаил.

Подошли к колодцу, сняли с гвоздя помятое ведро, бросили в корзины кепки и собрались черпать воду, как из большого дома напротив выскочили три нарядные хохочущие девочки.

– Вот у них и спросим, – обрадовался Мишка. – Девушки! – прокричал он. – А где я?

– Это у тебя надо спросить, где ты, – ответила русоволосая красавица с короткой стрижкой и в таком же коротком платье.

– Если бы я знал, где, я бы у тебя не спрашивал, – Мишке захотелось поближе рассмотреть девушек, и он направился в их сторону.

– Сейчас ты в Большом Лопатине, а сам-то откуда? – спросила вторая девушка, с бигудями на голове, в чёрной короткой юбке и белой кофточке.

Взглянув на говорившую, Мишка застыл на месте и молча смотрел на её грудь, которая распирала белую кофточку с двумя растёгнутыми верхними пуговицами. Он поднял

взгляд на лицо и произнёс:

– Из леса я. Видишь корзинки у колодца? За грибами ходили.

– Говорят, мало грибов-то, не пошли ещё? – снова включилась в разговор русоволосая.

– Мало, – согласился Мишка и посмотрел на третью собеседницу. Та была самая высокая из них. Одета в чёрные брюки, обтягивающие ягодицы и ляжки, и пышную полупрозрачную блузку розоватого цвета с крупными розами либо пионами, а может, георгинами. Тёмные волосы, свисающие ниже плеч, собраны сзади в хвост с большим розовым бантом. Сквозь блузку отчётливо был виден бюстгальтер телесного цвета.

– А куда это вы, такие красивые, собрались? – спросил кавалер.

– Наверное, не за грибами, – ответила грудастая.

– А я бы взял всех вас! – широко улыбаясь, посмотрев на всех по очереди, начал Мишка. – Мне даже пить расхотелось.

– А не жирно ли будет? – подала свой голос и хвостатая.

– Нет, не будет, – начал было Михаил, но его перебили.

– Откуда ты, такой шустрый, взялся? – снова спросила девушка с бигудями.

– Я же сказал: из леса, а вообще из соседней деревни, – отшутился собеседник.

– Что-то не видела я тебя в соседней деревне, да и непо-

хож ты на деревенского. Городской, наверно? – предположила русоволосая.

– Какая разница, был бы человек хороший, – снова в шутовском тоне начал Мишка, но его снова перебили.

– А кудри-то на голове свои или, как я, завиваешь? – смеясь, спросила грудастая.

– Свои, от отца достались, – Мишка провёл рукой по голове, – так куда вы всё-таки вырядились?

– Не нравится, что ли? – изумилась хвостатая.

– Нравится, я бы тоже с вами, да одет не по форме, – посоветовал Михаил.

Николай тем временем зачерпнул воды и попил через край ведра.

– Мишка, иди пей!

– Значит, Мишка? – чем-то довольная, проговорила грудастая.

– Мишка, Мишка! – подтвердил студент. – А вас как прикажете называть?

– Не поверишь, – ответила та же грудастая, – Вера, Надя, Люба!

– Люба, конечно, ты? – почти с уверенностью сказал Михаил и снова впялился в то место, где были расстегнуты пуговицы.

– Да, я, а как ты догадался? – начала кокетничать и крутить задом Люба.

– Интуиция! – с гордостью ответил Михаил, а сам вспом-

нил про Любку, грудь которой он целовал позавчера. – Для полного комплекта Софьи не хватает!

– Софьи не хватает, но зато есть Галя и Марина, – начала речь хвостатая.

– Ну, ты идёшь, или я вылью? – прокричал Николай.

– А у меня есть Колька, скромный парень и тоже холостой, – Мишка повернулся в сторону колодца: – Выливай, я уже не хочу!

– Мы тоже незамужние, а вот подругу сегодня замуж выдаём! – проинформировала Михаила русоволосая.

Мишка посмотрел на неё повнимательнее и остановил взгляд на ногах. Её платье было на пуговицах снизу доверху. Тонкий пояс из того же материала был завязан узелком с бантиком сзади на пояснице. Нижняя пуговица была расстегнута, и она, переминаясь на месте, в разрез показывала свои стройные ноги, выставляла их напоказ.

– А ты Надежда! – сказал Мишка, делая вид, что задумался над её именем, а не залюбовался ногами.

– Снова угадал! – засмеялись все три девушки.

– Ну а ты получается Вера, – Мишка стал разглядывать и её. Чёрные прямые брюки делали её ноги ещё длиннее, чем они есть на самом деле. Длинная шея и хвостик на затылке, который болтался из стороны в сторону, когда она отмахивалась от назойливых насекомых, добавляли ей шарма.

– А, может быть, ты и на гармошке играешь? – спросила Люба. – У нас гармониста на свадьбе нет.

– На гитаре играю, могу немного на фортепьяно, на гармошке не играю, – с грустью произнёс Михаил.

– А, может, в вашей деревне гармонисты есть? – оживилась Любовь. – Брат женится, а без гармошки свадьба не такая весёлая. И вообще у нас парней мало. Девушек много, а ребят не хватает, потанцевать не с кем.

– У нас и гармонистов много, и парней полно, а вот девушек не хватает, – стал набиваться на приглашение Мишка, уж очень ему Люба понравилась. «Да и имя не перепутаю, да и к девушкам приходится ездить чёрт знает куда», – подумал про себя Мишка.

– Так берите гармониста и приходите. Молодые распишутся в городе и в этот дом гулять приедут, – явно оживилась Люба, – места всем хватит, гостей не так много будет. Городские завтра у невесты большинство гулять будут. К нам-то не проедешь.

– Да уж! Мы пешком еле прошли! – с гордостью сказал Мишка, как будто совершил подвиг. – Но если приглашаете, то приедем!

Подошёл Николай. Познакомились ещё раз, поговорили, обменялись комплиментами. Выяснилось, что большинство, причастных к свадьбе, либо одноклассники, либо однокурсники. Девушки учатся на медсестёр, где парней можно по пальцам перечесть, а девушки – вот они, да какие красавицы. Люба принесла из дома квасу, напоила Мишку. Он пообещал им, что приедет сам и привезёт гармониста. Братья

взяли корзинки и не спеша двинулись в сторону леса.

Девушки некоторое время смотрели им вслед и не понимали, почему они пошли в ту сторону? Они совершенно не представляли себе, что там, за лесом? Жители этой деревни давно уже не бывают в той стороне. Там другая область, большой лес, от дороги одно название. Жизнь за этим лесом представлялась им неоткрытым континентом. Старожилы, возможно, и помнят, что там есть насколько больших деревень, мельница, где зимой можно смолотить зерно, у местных мастеров заказать какое-либо изделие, а теперь этого нет. Да и в обратном направлении люди стали ездить очень редко. Если раньше ездили к железной дороге, которая проходит в двадцати километрах от Большого Лопатина, то теперь появились более удобные маршруты. Ответа на вопрос, куда они пошли, у Веры, Надежды и Любви не было.

Братья шли медленно, друг за другом, по-другому было невозможно. Обходили лужи и поваленные деревья, изредка переговаривались. Мишка продолжал восхищаться девушками, а Колька выражал полное равнодушие и на свадьбу ехать не собирался. Пока шли, погода наладилась, и стало проглядывать солнце.

Вернувшись домой, переоделись, умылись, перекусили, и Мишка отправился искать себе напарников. Женька, можно сказать, согласился сразу, опыт совместных подобных прогулок у них накопился немалый. Лишь спросил о парнях. Мишка сказал, что парней не видел, но девушки классные.

Со слов девок, парней им не хватает, а значит, немного, и в случае чего отобьются, если не зарежут или колом по башке не дадут. Ещё раньше в компанию напросился Витька из крайнего дома. Он, как узнал, что можно попасть на свадьбу, сам напросился, зная, что нахалюву можно выпить и закупить.

Нашёлся и гармонист, он был старше Мишки и Женьки на несколько лет, довольно крупный, красивый парень. Был ещё не женат, любил выпить, погулять, подраться и хорошо играл на гармошке. Все его звали Тоха. Невеста у него была, и всё шло к тому, что скоро она на себе его женит. Она была девушка эффектная, решительная и целеустремлённая. Тоха был уже навеселе и не прочь выпить ещё. Свадьба для этого мероприятия вполне подходила, только поедет он туда без гармошки! В Большом Лопатине он бывал, и не один раз, был кое с кем знаком из местных, знал и дорогу.

Во второй половине дня сели на два мотоцикла и окружным путём двинулись в путь, а это километров семнадцать по грунтовым дорогам через поля, луга и перелески. Доехали без проблем. Когда подъехали к дому, народ уже веселился на улице. Играла радиола, стоящая на столе, прислонённая к стене, тут же стоял кассетный магнитофон, а рядом на скамейке гармошка «Любительская». На лужайке, прямо под окном, танцевали молодые и взрослые мужчины и женщины. На лавочках сидели более пожилые гости. Поодаль стояли отдельные группки гостей и зевак, что-то выясняли,

рассматривали и судачили.

Поставив под дерево мотоциклы, великолепная четвёрка направилась к дому и сразу привлекла к себе всеобщее внимание. Во взглядах было недоумение, народ не понимал намерений четырёх крепких парней, музыка продолжала звучать, но танцы прекратились. Тоха сделал пару шагов вперёд и произнёс:

– Здравствуйте, люди добрые! Вот приехали поздравить молодых с законным браком! – хотя, где эти молодые, он не видел и, как их отличить от всех остальных, не знал.

– Здравствуйте! – раздалось несколько голосов.

Музыка заглохла. От группы танцующих отделилась Любовь, почему-то босиком, и громко, с улыбкой до ушей, объявила:

– Это мои друзья, это я их пригласила! – сама подошла к Михаилу: – Вы чего так долго, гармониста привезли?

– Привезли, вы же не сказали, во сколько надо. Вот он, гармонист, – Мишка показал на Тоху.

Взгляды окружающих потеплели. Народ был уже весёлый, а значит, добрый, и решил, что гостей прежде всего надо посадить за стол. Вера и Любовь повели новых гостей в дом, снова зазвучала музыка, и танцы продолжились.

Две взрослые женщины без лишней суеты поставили чистые стопки и тарелки.

– Наливайте сами, кто что пожелает, закусывайте, чем Бог послал! – собрали несколько приборов грязной посуды и уда-

лились на кухню.

В доме кроме столов, стульев и скамеек ничего не было. Парни уселись по двое напротив друг друга, налили в стопки водки, чокнулись. Тоха и Витька сразу выпили и принялись закусывать, а Мишка с Женькой лишь слегка пригубили и тоже стали закусывать. Женька знал, что в незнакомой компании надо оставаться трезвым, а Мишка нацелился на Любу и считал, что пьяной должна быть она, а не он. Поодаль сидели ещё трое пожилых людей, о чём-то мирно беседовали и ни на кого не обращали внимания. Женька решил, что это тоже чужаки. Девушки стояли рядом, за стол не садились. Пока парни выпили по три стопки, успели перезнакомиться. Между делом в дом заходила Надежда с ещё одной девушкой по имени Марина, и в открытую дверь заглянули две мужские рожи, одна из них рыжеволосая. Женька рассматривал Веру и чувствовал, как внутри у него что-то вскипает от созерцания её шеи и длинных стройных ног в облегающих чёрных брюках. Настроение у девушек было приподнятое. Снова забежала Марина и стала выгонять всех на улицу танцевать и веселиться.

Тоха спросил про молодых. Ему ответили, что жених с невестой пошли к соседям звать их на свадьбу, а заодно и участкового, который приехал к соседям на разборки по какой-то там жалобе. Он родом из этих мест, после армии устроился простым милиционером, а теперь уже лет десять, как участковый, с тремя маленькими звёздочками.

Все вышли на улицу. Тоха взял со скамейки гармонь, проверил ремни и прошёлся по клавишам.

Радиола замолкла. А когда раздались звуки «Любительской», гости с весёлыми возгласами пустились в пляс. Тоха знал, что надо играть, не первый раз на свадьбе в роли гармониста. А гости уже достаточно выпили, чтобы расслабиться и выйти в круг. Мишка с Женькой, увлекаемые девчонками, тоже пустились во все тяжкие. Компанию им составляли ещё трое молодых парней, один из которых уже несколько раз падал на землю, но поднимался и продолжал веселиться. Мишка опекал Любу, но иногда отвлекался и на других дев-

чонок, которых было предостаточно. А Женька присосался к Вере и часто просил медленный танец, чтобы поприжимать к себе партнёршу и нашёптывать ей на ухо всякие небылицы. Она не противилась, слушала его сказки, улыбалась и кивала головой в знак согласия или одобрения. Он говорил ей, что она ему так понравилась, что он готов ездить к ней на свидание хоть «к чёрту на кулички», поскольку для «бешеной собаки сто вёрст не крюк». Верила она или нет, неизвестно, но от поцелуев в губы уклонялась.

Приходил участковый, выпил стопку водки, поздравил молодых и снова ушёл на разборки. Гармонист играл с перекурами на общий или индивидуальный приём алкоголя и был весел. Выслушивал комплименты и продолжал веселить народ. А народ, как повелось на русских свадьбах, затевал всякие розыгрыши, шутки, игры, пел застольные песни, плясал, о драке даже и не думал.

Витька сидел на скамейке с бабульками и рассказывал им страшные истории про инопланетян, с которыми он лично знаком и часто встречается. Убеждал, что умеет превращать людей в кроликов, но сейчас он это делать не будет, так как они ему не мешают. А дома у него такая злая собака, что даже он к ней подходить боится.

В какой-то момент Мишка пожаловался Тохе и Женьке, что тот рыжий парень, что всегда стоит в сторонке с ещё двумя хлопцами, пару раз показал ему кулак. А когда Мишка с Любовью заходит в дом, то идёт за ними и наблюдает из коридора. Ему показалось, что он что-то затевает.

– Если что начнётся, выброси что-нибудь из окна, мы прибежим и разберёмся, – посоветовал Тоха и продолжил играть.

Девчонки куда-то пропали – видимо, пошли по своим женским делам. Женька предложил Мишке воспользоваться моментом и выпить по стакану чая. Мишка согласился, они вошли в дом, сели за стол и попросили чая. Минуты через три на столе появился самовар с заварным чайником на конфорке и стаканы.

– Подождите немного, заварится – наливайте и пейте! Только смотрите, горячий! – сказала кухарка с большим цветастым передником и ушла.

Пока чай заваривался, в избу зашли трое, во главе с рыжим и уселись за их стол, напротив. Женька пожалел, что приехал без кастета.

– Парни, а не пора ли вам ноги делать отсюда? – начал рыжий.

– Не пора, – ответил Женька, оценивая тех двоих. Ясно было, что у рыжего есть претензии к Мишке из-за Любы.

– Если не уберётесь, ноги переломаем, – снова начал угро-

жать рыжий.

– Попробуй! – ответил Мишка.

Со словами: «И попробую», – рыжий вскочил с места и попытался ударить Мишку в лицо. Тот увернулся, и удар на излёте пришёлся в грудь. Мишка выпрямился, схватил за ручки самовар и со словом «бл-ь!» бросил его в боковое окно позади себя. Окно со звоном распахнулось, раздался звон битого стекла, посыпались угли и разлетелись брызги кипятка.

Женька схватился за край стола и опрокинул его на соперников, сидевших на скамейке. Посыпалась посуда вместе с напитками и закусками, в том числе и с соседнего стола вместе с клеёнкой. Завизжали бабы на кухне и на улице. Оказалось, что Мишка с рыжим сидели за другим столом и остались стоять. С их стола съехала только часть посуды. Рыжий потянулся за бутылкой, но Женька, сделав один шаг вперёд, ударил его по лицу сначала слева, потом справа. Рыжий сильно качнулся, но устоял и, зажав лицо руками, ринулся вон, Мишка за ним. Женька, по ходу дела, по одному разу ударил и тех двоих, которые всё ещё вылезали из-под стола и скамейки, и тоже быстрым шагом пошёл из избы.

Когда на Витьку и его собеседников, сидевших под окном на скамейке, посыпались угли, стёкла, полился кипяток, а по земле покатился сначала чайник, а потом самовар, Витька очень обрадовался. «Наконец-то началось!» Он схватил одной рукой за ручку самовара и с тем же уже знакомым словом: «Бл-ь, жжётся!» – запустил его в толпу. Народ разбежался, и никому не досталось. Витьку это огорчило. Тогда он поднял с земли чайник и запустил его туда же.

С крыльца выбежал рыжий и, споткнувшись, начал падать, ухватился за Витьку, и они оба завалились на землю. Витька быстро вскочил, добежал до самовара и снова запустил его в народ.

Тоха поставил гармонь и побежал в дом, но войти не успел. Рыжий валялся на земле, с крыльца сошёл Мишка, а

за ним и Женька. Девки, бабы и мужики стали хватать всех за руки и держать. С крыльца вышли ещё двое, в руках у одного было полено, их тоже похватали. Возмутился только рыжий и Витька. Рыжий кричал, что местные суки увидели чужих и готовы им подставить то, что у них есть спереди. Одним словом, «бл-ди и проститутки». А Витьке было обидно, что никого не зашиб, только зря руки обжёг, и теперь они чешутся. Мишка тоже жаловался на самовар, что у него деревянные ручки очень маленькие.

Все потихонечку успокоились. Один из гостей достал из кармана красную повязку со словом «Дружинник», надел её на левую руку и страшал всех бузотёров наказанием по закону за хулиганство. Кто-то, очень догадливый, сбегал за участковым. Тот пришёл, послушал, что говорят, и особых претензий ни от кого не услышал. Рассудил по-своему мудро:

– Свадьба! А какая свадьба без драки? Это не свадьба, отгуляют – и вспомнить нечего!

Но нашлась одна умная городская тётка со стороны невесты, которая возмущалась, что вот этот алкаш её чуть самоваром не зашиб! Она обязательно будет жаловаться, куда следует. А куда, она знает хорошо. Участковому выбора не оставили, и он стал всех опрашивать, кто что видел. Предупредил чужаков, чтобы не вздумали сбежать. Номера мотоциклов он записал, и их всё равно найдут, и только хуже будет.

– А мы никуда и не собираемся, мы не виноваты, нам бояться нечего, – успокоил его Михаил.

– Как не виноваты? А кто самовар выбросил? – начал задавать вопросы участковый.

Поскольку в доме, кроме пятерых подозреваемых, никого не было, Мишка с Женькой сговорились врать одинаково.

– Мы с Евгением водку не пьём. Решили попить чаю. Нам поставили самовар, дали стаканы, но тут в избу заявили эти трое, якобы поговорить. Сели напротив. А чтобы самовар не мешал разговаривать, я поставил его на подоконник. Даже палец обжёг. Вместо «поговорить» они кинулись нас избивать, – начал жаловаться Мишка, – рыжий здоровяк ударил меня по лицу, я упал на окно и случайно спиной столкнулся с самоваром. Вот и всё.

– А кто же ему нос разбил? – задал вопрос участковый.

– Так это он сам, – продолжил Мишка. – Когда он меня поколотил, ему показалось этого мало, он решил и Витку побить. Выскочил на улицу, набросился на него, они вместе упали, вот нос себе он и разбил об землю.

– А говорят, он вышел уже с разбитым носом? – настаивал участковый.

– Так он же пьяный, товарищ старший лейтенант, может, в косяк на мосту врезался, я сам об него головой ударился, а он вон какой верзила, – на ходу сообразил Мишка.

– А ты что скажешь, всё забываю, как тебя? – обратился участковый к Евгению.

– А что я скажу? Я как увидел, что Михаила бьют, испугался и побежал, впопыхах случайно стол опрокинул, – скороговоркой выпалил Женька.

– А откуда синяк у Лапшина? Говорит, что это ты ему? – показал свою осведомлённость участковый.

– Не знаю я никакого Лапшина, – начал отпираться Евгений, – и никому я синяков не оставлял, стол случайно опрокинул, это было, а насчёт синяков ничего не знаю.

– Да вон он, на земле сидит, сопли размазывает, – показал пальцем участковый в сторону парня, сидящего, прислонившись спиной к дереву.

– Первый раз вижу, товарищ старший лейтенант, – он же лыка не вяжет, что угодно наговорить может.

– Ну как не видел, хватит врать-то, ты же на них стол опрокинул? – с раздражением произнёс милиционер.

– А, стол? – растягивая слова, отвечал Евгений. – Когда нас бить начали, я с испугу-то не разглядел его, сразу бежать. Когда они под столом барахтались, не только синяков себе насажать могли, но и руки поломать.

– Ладно. Михаил, Евгений, заявление писать будете?

– Нет, не будем, стерпим, – ответил Мишка.

Участковый подошёл к рыжему, которого всё ещё слегка придерживали за руки, и тоже спросил:

– Горохов, заявление писать будешь?

– Нет, не буду, я с ними сам разберусь, – заплетающимся голосом ответил рыжий.

– Я тебе разберусь! – прикрикнул участковый. – Я тебя уже завтра на пятнадцать суток могу посадить, как зачинщика драки и за нецензурную брань. Я слышал, как ты девушек обзывал, – вон Надькина мать плачет, за дочку обидно, она хоть сейчас заявление напишет. А ты уже пять суток в этом году сидел, значит, по новому закону и срок получить можешь. Так что успокойся, умойся и походи проспись, пока я добрый!

– А я напишу, который самоваром бросался, – встряла в разговор умная тётка.

– Он и мне чайником по ноге попал, – подала голос ещё одна пожилая дама.

Участковый открыл «лентяйку», достал два листа бумаги, усадил заявительниц за стол, дал каждой по шариковой ручке и стал диктовать текст заявлений. Потом подошёл к дружиннику и попросил его, как свидетеля, написать показания по данному эпизоду

– И пусть ещё кто-нибудь напишет, как ты. Дашь у тебя списать! – и вернулся к заявительницам.

Бабушка жениха нашла самовар и была приятно удивлена. Краник не отломился. Немного деформировалась конфорка, да маленькая вмятина на боку. Налила воды. Не протекает. А вот чайник пострадал – носик откололся, а ручка цела.

Люба подошла к Мишке с Женькой и, как заговорщица, заговорила:

– Бабушка мне рассказала, как Женька их уделал, она всё

из кухни видела. Жаль, что мало, говорит, надо бы ещё, а то он мне проходу не даёт. Говорит, что после первого удара у него аж что-то хрястнуло, а после второго башка так и дёрнулась, он аж к переборке прилип. Я его боюсь даже. Всё жёниться на мне мечтает, а зачем мне такой. Пьёт почти каждый день. Вы то вот не пьёте, только нас спаиваете.

– А это мы вам подливаем, чтобы вы ласковее были, – вставил Евгений.

– А мы, Женечка, и так ласковые, просто вы нас не знаете. А этот! Что, я от него таких же пьяниц нарожать должна? Нет уж, спасибо! Я из-за него даже домой реже ездить стала.

Подошли Вера с Мариной:

– Вы их не бойтесь, они только с виду герои, а так – вон сопли распустили, милицию вызвали. Герои! Ваш Виктор тоже с придурью, начал самоваром с кипятком в людей бросаться.

– А мы и не боимся, – ответил Мишка.

Тоха снова взял в руки гармонь и заиграл «Катюшу». Несколько голосов сразу запели.

– Может, пойдём прогуляемся? – предложил Евгений Вере. – Покажешь мне окрестности, я никогда тут не был.

– Нельзя, все смотрят, мало ли, что подумают, – взяв за руку Евгения, сказала Вера, – пойдём лучше потанцуем.

– А чего они подумают? – спросил Евгений, как будто не понял, что она имеет в виду.

– Подумают, что у нас любовь и всё такое, – почти в самое

уху негромко проговорила Вера.

– Конечно любовь, – начал объясняться кавалер, – раньше я не думал, что бывает любовь «с первого взгляда», а как только тебя увидел, то понял, что бывает. А если это любовь, то и «всего такого» очень хочется.

– Не всё сразу, милый, а то потом неинтересно будет, – членораздельно, с ударением на слово «милый» произнесла дама, – и не прижимай меня так крепко, а то дышать нечем.

Минут через тридцать участковый вынес вердикт:

– Виктора забираю в район, остальные могут продолжать, и чтобы больше меня не вызывали!

Все попытки уговорить участкового успехом не увенчались. Он разъярил, что по этим заявлениям сам он решение

принять не может, только начальник. Такое впечатление, что Витьке было всё по барабану, он уселся в коляску «Урала» и задремал, пока участковый выводил соседа, ради которого и приезжал. Рыжий успокоился, сидел смиренно и, размахивая руками, жаловался «дружиннику» на девушек, а тот его терпеливо выслушивал.

Оставшись втроём, парни стали совещаться, что делать? Пришли к выводу, что Тоха поедет домой, предупредит Кольку и Женькину мать, что они остались гулять на свадьбе, а сами поедут выручать Витьку.

Участковый посадил на заднее сиденье соседа, успевшего прилично выпить, пока тот разбирался с самоваром, приказал держаться крепко, и предупредил:

– Если свалишься, то я не виноват! – видно было, что они хорошо знакомы.

Мишка порекомендовал дать Витьке в руки самовар, как вещественное доказательство, но участковый шутики не оценил и разъяснил, что в этом деле вещественных доказательств не требуется.

Мишка с Женькой пытались договориться о чём-нибудь с девушками, но в условиях полной неопределённости ничего конкретного не получилось. Сели на мотоцикл и поехали, девушки провожали всей гурьбой, сожалели, что уезжают. Благодарили за то забавное разнообразие, которое они внесли в их праздник, приглашали ещё, объяснили, где их можно найти. Тоха тоже уехал домой, сыграв на прощание

несколько мелодий по заявкам.

Несостоявшиеся ухажёры приехали в город и стали искать милицию. Город маленький, все всё друг про друга знают. Спросили у первого встречного, где милиция. Человек подробно объяснил, это было совсем рядом, и они поехали. Приехали в ГАИ, поняли, что не туда. Спросили ещё раз, и им снова объяснили. На этот раз они приехали во вневедомственную охрану. Решили спросить у милиционера, который стоял рядом с милицейской машиной и курил. Этот сначала расспросил, что им надо, и направил в третье место. Подъехали к одноэтажному кирпичному зданию с решётками на окнах и поняли, что сюда. Почти у самого входа стояли новенькие «жигули» с надписью «МИЛИЦИЯ» и гербом СССР на передней двери.

Вошли внутрь. Небольшой коридор. Справа, за невысокой сплошной перегородкой, сидел дежурный офицер, сзади него за столом сидел сержант и перебирал бумажки.

Насупротив дежурного, на деревянной скамейке, сидели двое алкашей. Один из них сразу попросил у Женьки закурить.

– Я тебе сейчас дам закурить! – окрикнул его дежурный.

– Товарищ капитан! – начал Мишка. – Мы приехали за пятьдесят вёрст из деревни. Участковый нашего земляка забрал со свадьбы и увёз, мы его ищем.

– Как фамилия? – спросил дежурный.

Мишка назвал фамилию, дежурный открыл журнал, стал

тыкать в него пальцем, найдя запись, спросил, кем мы ему доводимся. Мишка сказал, что мы братья.

– И чего вы хотите, братья? – вставая с места, поинтересовался дежурный.

– Ну как чего? – заговорил Евгений. – Узнать, как дела, не нужно ли чего, и домой забрать.

– Мишка, Жека, я здесь! – откуда-то со стороны, из левого коридора, раздался Витькин голос.

– О! – обрадовался Мишка. – Здесь!

Потом начался нудный разговор, в результате которого дежурный разрешил подойти к «обезьяннику» и поговорить с Витькой. Предупредил, чтобы ничего не передавали. «Обезьянник» представлял собой комнату с одним окном с решёткой из металлических прутьев. От коридора его отделяла также решётка, но уже из арматуры. Дверь с задвижкой и обыкновенным висячим замком была тоже сварена из арматуры. Прутья на уровне лица блестели, отполированные руками узников. По бокам, во всю длину помещения, намертво к стене и к полу были прикручены скамейки. На потолке горела тусклая лампочка, которая никогда не выключалась, разве что ярким солнечным днём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.